

1791 год в ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ Антуана БАРНАВА

А. В. Тырсенко

Человек эпохи Просвещения.

М.: Наука. 1999. С.151-173.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Французская революция конца XVIII в. с самого начала сопровождалась не только контрреволюционным движением, направленным на восстановление старого порядка, но также и выступлениями, имевшими целью, при признании революционных принципов, провозглашенных в 1789 г., положить предел ее радикализации. Еще осенью 1789 г. так называемые “монархисты” Учредительного собрания во главе с Мунье и Малуэ выражали опасения в связи со слишком далеко зашедшей революцией. В 1791 г. с призывом “Остановить революцию!” выступил один из признанных ее лидеров — Антуан Барнав. “Сегодня, господа, говорил он 15 июля 1791 г. в Учредительном собрании, — общий интерес заключается в том, чтобы революция остановилась. Те, кто побежден ею, должны понять, что невозможно заставить ее повернуть вспять и речь идет только о ее завершении, тем, кто ее хотел и ее совершил, следует осознать, что это ее последний рубеж; благо их родины и их собственная слава требуют, чтобы она более не продолжалась”.¹

Выступление А.Барнава явилось знаменательным событием. С одной стороны, оно совпало по времени с завершением либерально-реформистского этапа Французской революции (1789—1791), с другой — это выступление в значительной мере свидетельствовало о смене политической ориентации самого Барнава. Из лидера революции он превратился в политика, пытающегося определить тот рубеж, на котором следовало ее завершить. Вся общественная деятельность Барнава в 1791 г. как раз и была посвящена поискам ответов на вопросы: что означает завершить революцию и как это сделать? При этом Барнав продолжал идентифицировать себя с революцией и, шире, с идейным наследием Просвещения, постоянно присутствующим в политических дебатах и конфликтах революционной эпохи. Иными словами, завершение революции Барнав представлял себе как результат ее развития, утверждая в Учредительном собрании, что он говорит “в соответствии с духом Революции”.²

Личность Барнава уже давно привлекала внимание историков, которые изучали его наследие в основном как одного из основоположников — до К.Маркса — материалистического понимания истории (Ж.Жорес, И.А.Попов-Ленский, Т.Кондратьева).³ В последнее время внимание исследователей привлекли политическая карьера Барнава и изменение его мировоззрения в годы революции. По мнению Ф.Фюре, за годы своей политической карьеры Барнав совершил своеобразную интеллектуальную эволюцию, заменив “одну философию другой”: в 1791 г. задачу революции он усматривал в осуществлении абстрактных естественно-правовых “принципов 1789 г.”, как то было ранее, а в сохранении сложившихся к тому времени политических институтов.⁴ К аналогичным выводам пришел другой современный исследователь — Р.Шаньи.⁵ Иную точку зрения отстаивает Патрис Гениффе, согласно которому Барнав на протяжении всей своей политической карьеры оставался верен естественно-правовой традиции.⁶

В настоящей статье речь пойдет об определении Барнавом в 1791 г. исторических границ Французской революции, о месте этой проблемы в его политических представлениях.

Исторические границы революции осмысливались ее участниками в связи с утверждением в общественной жизни принципов, сформулированных в Декларации прав человека и гражданина, “принципов 1789 г.” В их основе лежали рационалистические теории века Просвещения о естественном праве и об общественном договоре. Согласно первой, каждому человеку присущи права, выражая его разумную природу и предшествующие социальной организации. Вторая предполагала договорное происхождение общества и государства, создаваемых людьми с целью сохранения своих естественных прав; при этом общественные установления должны были соответствовать естественному праву.

Декларация провозглашала естественными и неотъемлемыми гражданские права личности — свободу, юридическое равенство, собственность, безопасность, сопротивление угнетению. Был декларирован и принцип национального суверенитета, т.е. исключительное право нации на конституирование и осуществление политической власти. Он предполагал и политические права граждан как условие политической свободы.

“Принципы 1789 г.” отражали идеалы Просвещения. Но, связывая преобразование общества с революционными событиями, не порывали ли авторы Декларации с самим содержанием Просвещения? Ведь целью “философов” было предупреждение социальных взрывов путем модернизации и реформирования общества. Вместе с тем просветители связывали необходимые преобразования с деятельностью государства, с просвещенной политикой. Политическая власть становилась легитимной в связи с этой общенациональной задачей и обретала суверенитет. Ее действия в конечном счете оказались направленными на то, чтобы заменить порядок, основанный на традиции, порядком, основанным на разуме. В результате открывался путь к признанию прав человека и развитию индивидуалистического общества. Но эти перемены, к которым вплотную подводила логика просветителей, оказались невозможными без революционных событий.

Универсальный характер “принципов 1789 г.” означал абстрагирование от любых конкретных измерений человеческой личности, в том числе и социальных. В итоге проектировалось качественно новое общественное устройство, где в расчет принимались только абстрактная личность и национальная общность. Само общество и государство рассматривались не как иерархия сословий и корпораций, а как объединение свободных и равных в правах индивидов, вступивших между собой в договорные отношения и образующих нацию, коброй и принадлежит политическая власть.

В 1789 г. А.Барнав всецело разделял естественно-правовые идеалы революции. Выходец из семьи адвоката, которая так и не получила права на наследственное дворянство, он остро ощущал свою сословную неполноправность в обществе старого порядка. В памфлете, выпущенном им незадолго до открытия Генеральных штатов, он подчеркивал, что “звание человека самое святое” и есть только одно подлинное величие - “это уважение прав человека и любовь к свободе”⁷. Но свобода, согласно Барнаву, не могла утвердиться без провозглашения естественно-правового принципа национального суверенитета, который он определил как “неотъемлемое право всех народов, право, без которого всякое иное - ничто, право принимать законы... вписанное в кодекс природы”⁸. Именно этот принцип призван был гарантировать политическую свободу, без которой невозможна никакая иная свобода, а также политические права личности, без которых неосуществимы ее гражданские права. Гражданская свобода и политическое рабство несовместимы... - отмечал он, — там, где публичная власть сосредоточена в одних руках, личная безопасность, свобода печати, тайна переписки, собственность граждан... являются лишь иллюзиями, ложными обещаниями власти. Только политическая свобода, только участие народа в законодательстве составляют первооснову этих счастливых учреждений.⁹

Приверженность Барнава естественно-правовым принципам революции определила его место в политических дискуссиях лета-осени 1789 г. в Учредительном собрании. Он последовательно добивался принятия Декларации прав и ее включения в качестве преамбулы в будущую конституцию. “Необходимо, - говорил Барнав, - чтобы она была проста, доступна каждому и чтобы она стала национальным катехизисом”.¹⁰ Отсюда и его резко критическая оценка тезиса монархистов” о невозможности управлять обществом, основанным на естественном праве. “Мунье и его сторонники, - указывал Барнав, — кажется, не заметили, что произошла революция, они захотели возвести новое здание, используя материалы, которые были отвергнуты”.¹¹

Между тем естественно-правовые принципы революции предполагали ее дальнейшую радикализацию. Декларация прав, по мнению Б.Гротхёйсена, “представляет собой нечто вроде кодекса революционной теории... В Декларации прав, в фундаментальных принципах, которые она раз и навсегда установила, содержится нечто вроде имманентной логики, которая ведет к следствиям все более “более революционным”.¹² Различные интерпретации “принципов 1789 г. и установленного в них соотношения между правами личности и правами нации стали идейной основой для выделения либерального и демократического направлений в революции.

Согласно либеральной доктрине, Декларация утверждала прежде всего гражданские права личности, а не права нации, коллективного суверена, требующие строгого подчинения частных интересов общему, как то предполагала демократическая доктрина. Иными словами, либеральная мысль сводила естественное право к личным правам каждого члена общества, ограничивая ими права нации. При этом право на собственность определяло общественный статус личности и гарантировало ее свободу. Тем самым либеральный индивидуализм, постулируя примат частного интереса над общим, наполнялся преимущественно экономическим содержанием. Точное его определение предложил аббат Сийес: “Каждый человек является единственным собственником своей личности, и эта собственность неотчуждаема”. Свободен же тот, считал Э.Сийес, “кто не стеснен в пользовании своей личностью и своей реальной собственностью”.¹³

В демократической трактовке естественное право понималось, напротив, как права нации, которые опосредуют индивидуальные права и утверждают приоритет общего интереса над частным. “Каждый из нас, — писал Ж.-Ж.Руссо, — передает в общее достояние и ставит под руководство общей воли свою личность и свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в неразрывную часть целого”.¹⁴ Только таким путем, согласно демократической традиции, можно было преодолеть отчуждение личности, обусловленное господством в обществе частных интересов, и гарантировать каждому подлинное равенство в правах.

Поэтому, обращаясь к естественно-правовой традиции при осмыслении нового исторического опыта, либералы отстаивали неприкосновенность неотъемлемых прав личности, т.е. ее свободу, тогда как демократы считали возможным и даже необходимым ограничивать свободу личности во имя равенства и ради достижения обществе иного прогресса.

Эти доктринальные расхождения неизбежно затрагивали вопрос о дальнейшей судьбе революции: следует ли ее продолжить, или необходимо остановиться на достигнутом? Данный вопрос со всей остротой возник летом 1791 г., в момент Вареннского кризиса. Вокруг вопроса о судьбе короля Людовика XVI, за которым Учредительное собрание закрепило статус наследственного представителя нации и главы исполнительной власти, и, шире, вокруг судьбы монархии разыгрались политические страсти. Выдвигались проекты замены Людовика XVI на троне. Прозвучали и радикальные призывы к установлению республики.

1791 год в ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ Антуана БАРНАВА

15 июля 1791 г. в ходе дебатов о судьбе короля Барнав выступил в Учредительном собрании с программной речью, ставшей манифестом либерального большинства собрания. Барнав призвал не допустить дальнейшей радикализации революции и завершить ее в рамках либеральных “принципов 1789 г.” Залог социальной стабильности он усматривал в неприкосновенности фигуры монарха. “Подумайте, господа, что произойдет после вас, — говорил Барнав, — вы сделали все необходимое для утверждения свободы и равенства... вы сделали все людей равными перед гражданским и политическим законом... вы вернули государству все, что было у него отнято. Отсюда следует эта великая истина, что если революция сделает еще один шаг, то этот шаг будет опасен, поскольку дальнейшее продвижение по пути к свободе означало бы упразднение монархии, а по пути к равенству - покушение на собственность”.¹⁵ Утверждение либеральных ценностей, и прежде всего неприкосновенности прав и свободы личности, а также и собственности, являлось для Барнава, как и для всех адептов либеральной традиции, основным содержанием Французской революции. В одном из черновых набросков он подчеркивал: “Мы добьемся среди нас уважения прав личности и собственности”.¹⁶

Но, чтобы утвердить либеральное “прочтение” “принципов 1789 г.”, необходимо было положить конец заложенной в них “революционной логике”, делавшей эти принципы все более радикальными, что предполагало развитие революции по демократическому пути. Фактически речь шла о том, чтобы порвать с естественно-правовой традицией, этой, по выражению Барнава, “революционной горячкой”¹⁷, и найти стабильную основу новому порядку. “Самая счастливая революция, — писал он по этому поводу, - готова завершиться. Основы свободы и равенства уже заложены, и французской нации осталось сделать только один шаг, чтобы приступить к осуществлению своих прав”¹⁸. На важность решения данной проблемы за день до выступления Барнава указал А.Дюпор, вместе с Барнавом и А.Ламетом входивший в состав так называемого триумvirата, который после смерти 2 апреля 1791 г. признанного трибуна революции О. Мирабо по сути возглавил либеральное большинство Учредительного собрания. 14 июля 1791 г. А.Дюпор обратил внимание депутатов на тот факт, что если Декларация провозгласила права человека и гражданина во всей их полноте, то “она также определила и способ, которым они должны осуществляться, в целях их сохранения”¹⁹. И на самом деле в статье 4 речь шла о легитимном ограничении естественного права: “Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Границы эти могут быть определены только законом”. Это положение и имел в виду А.Барнав, когда на следующий день призвал подчинить революцию “конституционному закону”²⁰. Поэтому актуальным стал вопрос о принятии конституции как единственном средстве остановить революцию. “Если вы, — предостерегал 15 июля Барнав, — когда-либо усомнитесь в конституции, где же будет находиться тот рубеж, на котором вы остановитесь и где остановятся ваши преемники?”²¹.

Итак, согласно А.Барнаву, завершить революцию можно было только на основе либерального “применения” “принципов 1789 г.”, что означало гарантии прав и свободы личности, а также и собственности и ограничение этими правами национального суверенитета. Кроме того, он утверждал верховенство позитивных законов и политических институтов, сформированных в первые годы революции, которые должны быть окончательно зафиксированы в первой французской конституции.

Работа над ее отдельными статьями велась в сентябре 1789 г., когда был сформирован конституционный комитет Учредительного собрания. В сентябре 1790 г. Собрание решило приступить к кодификации принятых к тому времени конституционных декретов. С этой целью состав конституционного комитета был расширен: помимо Гурэ, Сийеса, Тарже, Талейрана, Деменье, Рабо, Тронше, Ле Шапелье в него вошли Клермон-Тоннер, Бометц, Петион, Бюзо, Дюпор, А.Ламет и Барнав.

С приходом триумvirата — Барнава, Дюпора и А.Ламета — работа конституционного комитета приняла новое направление. Теперь (речь шла уже не только о сведении воедино конституционных декретов Учредительного собрания, но и о переосмыслении их содержания, о точном определении места и функций политических институтов, с тем чтобы воспрепятствовать новому витку в развитии революции. Необходимость такого пересмотра была очевидна Барнаву. Борьба за завоевание свободы ослабила взаимосвязь между важнейшими элементами политической системы. Теперь же целью стало достижение общественной стабильности, и необходимо было адаптировать политическую систему к решению этой задачи. “Когда революция свершилась, — отмечал Барнав, — когда конституция восстановлена, для утверждения нового порядка нужно, чтобы общее движение (политической машины. — А.Т.) вновь обрело свою энергию, чтобы каждая часть имела возможность выполнять свои функции, чтобы части сблизилась, чтобы вся машина укрепились”²².

Для Барнава принятие конституции должно было символизировать заключительный акт Французской революции. Он исходил из выдвинутой еще в 1789 г. Мунье, Сийесом и им самим идеи о необходимом разграничении двух властей — конституирующей и конституированной. Обе они принадлежат нации и восходят к общему источнику — принципу национального суверенитета. В силу первой нация вправе учредить представительные органы власти, т.е. дать себе конституцию. Закрепленная законом власть будет затем принимать решения от имени нации. Еще в марте 1789 г. Барнав указывал на необходимость различать две названные власти, когда писал, что сама форма, которую бы сочли подходящей для сохранения конституции, не соответствовала бы задаче ее установления²³. Во время дебатов в июле—августе 1791 г. он не раз возвращался к вопросу о соотношении этих властей с целью обосновать необходимость завершения революции и утверждения “представительного правления”. Согласно Барнаву, конституирующая власть являлась следствием полного суверенитета”, временно перешедшего от нации к Учредительному собранию, и представляла собой совокупность “крайних средств, необходимых, чтобы освободить угнетенный народ”²⁴. Но, когда нация “дала себе конституцию”²⁵, когда ее “конституционная свобода гарантирована публичными обсуждениями и установлением ограничивающих друг друга властей”²⁶, необходимо, чтобы конституирующая власть — прямое выражение национального суверенитета и вечная причина революции”²⁷ — уступила место конституированным властям. Иными словами, Барнав прямо призвал ограничить естественно-правовой принцип национального суверенитета конституционными учреждениями и остановить дальнейшее развитие революции.

Первоочередным стал вопрос о форме будущего государственного устройства. Барнав, как и либеральное большинство Собрания, считал, что правление во Франции должно быть “представительным и монархическим”²⁸, а не демократическим и республиканским. Против своих оппонентов из демократического лагеря Барнав использовал классический аргумент, который исторически связывал республиканскую модель с прямой демократией, предполагавшей обязательное участие каждого гражданина в осуществлении суверенной власти и строгое подчинение частных интересов интересам всех граждан. Кроме того, считалось, что республика может существовать лишь в небольших по территории государствах. Как и большинство либеральных политиков, Барнав утверждал, что для такой большой и густонаселенной страны, как Франция, где к тому же отсутствуют необходимые для существования республики простота и строгость нравов, монархия является единственно приемлемой формой правления: “Свободная и ограниченная монархия — самое счастливое и самое лучшее правление из всех, когда-либо существовавших”²⁹. Именно монархия могла обеспечить Франции свободу и стабильность два неперемennых условия “хорошего правления”³⁰.

Идея ограниченной монархии неразрывно связана в политическом дискурсе Барнава с идеей представительного правления. Политическое представительство, по его мнению, дает гарантии “свободного правления” в монархии и противоположно прямой демократии. Барнав обвинял республиканцев в том, что “им неизвестны основные принципы правительств... когда они приходят в Учредительное собрание с тем, чтобы противопоставить чистые демократии представительному правлению... я их спрашиваю еще раз, неужели они забыли уроки истории, свидетельствующие, что чистая демократия одной части народа может существовать только благодаря гражданскому, политическому... абсолютному рабству другой части народа... я утверждаю, что представительное правление первое, самое свободное и самое возвышенное”³¹.

Показателен факт: обосновывая преимущества монархии и представительного правления, Барнав апеллировал не к естественно-правовым принципам, а к историческому опыту, географическим условиям и позитивным “правилам хорошего правления”.

Принцип политического представительства с 1789 г. являлся центральным вопросом организации государственной власти и означал, что, хотя суверенитет принадлежит нации, его осуществляют лица, независимые от нации, но уполномоченные ею принимать решения от ее имени. Этому Барнав противопоставлял прямую демократию “самое одиозное, что есть в природе, самое пагубное, самое вредоносное для народа, прямое выражение суверенитета”³², — которая ведет к ограничению прав и свободы личности и к установлению имущественного равенства “аграрному закону”³³.

Существование политической элиты расценивалось Барнавом как фактор нормального функционирования государственных институтов: “Народ — суверен, но в представительном правлении народные представители являются его опекунами, только они могут действовать в его интересах, так как его собственный интерес связан с политическими истинами, о которых он сам не может составить полного представления”³⁴. Конституционными представителями нации Барнав называл депутатов Законодательного собрания, выборы в которое проходили летом - в начале осени 1791 г., а наследственным представителем короля, главу исполнительной власти. Закрепление за монархом статуса наследственного представителя нации было определенным новшеством. В силу легицентризма политико-правовой мысли эпохи Французской революции статус власти определялся ее ролью в издании законов. Поэтому исполнительную власть французские революционеры зачастую рассматривали как подчиненную законодательной. Сам Барнав в 1789-1790 гг. разделял эту точку зрения, за что подвергся критике со стороны аббата Сийеса: Барнав говорит, быть представителем нации может быть лишь тот, кто выражает ее желание, и он исключает из этого класса людей всех тех, кто действует для нее... Между тем каждый, кто состоит на государственной службе, принадлежит к исполнительной власти и является на этом основании настоящим представителем нации³⁵.

Летом 1791 г тема укрепления исполнительной власти стала лейтмотивом политических выступлений Барнава. По мысли Барнава, «независимость обеих властей» являлась первоосновой представительного и монархического правления. Исполнительная и законодательная власть независимы, так как равноправны по своей природе. Вместе с тем Барнав не раз подчеркивал, что они должны ограничивать друг друга. Так, исполнительная власть в лице короля обладает правом суспензивного (отлагательного) вето на декреты Законодательного собрания. Оно же, в свою очередь, может вмешиваться в действия исполнительной власти в силу ответственности перед ним министров, назначаемых королем. Барнав последовательно отстаивал данное положение в своей речи от 15 июля 1791 г.: личность короля неприкосновенна, так как в этом - залог независимости исполнительной власти.

Другой важный вопрос, вызвавший пристальное внимание Барнава в ходе обсуждения Конституции 1791 г., касался политических прав граждан. Начиная с 1789 г. право избирать и быть избранным лежало в основе формирования и легитимации представительных органов власти. Выборы стали символом и выражением обретенного французами суверенитета, неотъемлемой частью политической. В 1791 г. эта проблема широко дискутировалась как в Учредительном собрании, так и за его пределами. Еще в 1789 г. либеральное большинство Собрания добилось принятия ряда положений по вопросу политических правах граждан, исходивших из определения в Декларации закона как выражения «общей воли» (ст. 6). С одной стороны, это предполагало всеобщее политическое участие («Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его (закона. - А.Т.) образовании»), с другой — необходимость обеспечить рациональность и компетентность законотворческого процесса. Сложившееся противоречие между «количеством» и «разумом» Учредительное собрание решило путем введения имущественного ценза. Кроме того, оно разграничило право избирать и право быть избранным. В результате избирательные права получили «активные граждане» (около 4,5 млн человек из 7 млн взрослого мужского населения Франции), платящие прямой налог в размере трехдневной местной заработной платы (23 ливра в год) и выше; были лишены политических прав «пассивные граждане». Право быть избранным регламентировалось более высоким имущественным цензом: его получили лишь те «активные граждане», которые платили прямой налог в размере «марки серебра» (52 ливра в год) и выше.

В 1791 г. демократически настроенные депутаты Учредительного собрания и представители «левого» крыла в Якобинском клубе — Робеспьер, Петийон, Бюзю, Грегуар, члены клуба кордельеров и организованного при нем Социального кружка во главе с Фоше и Бонвилем, а также Марат и Кондорсе — не раз подвергали цензовую систему политического представительства резкой критике. С точки зрения демократической традиции политические права граждан являются такими же естественными, как гражданские права личности и в силу универсальности естественного права принадлежат в равной мере каждому гражданину.

В споре с демократами Барнав обратился к либеральным аргументам 1789 г. Он настаивал, что не следует смешивать «гражданскую свободу, которую каждый имеет от природы, с осуществлением политических прав, определяемых общественными интересами»³⁶. Политические права «принадлежат обществу, а не конкретному гражданину»³⁷ и являются не чем иным, как общественной обязанностью, которую «можно серьезно рассматривать с точки зрения прав человека только в странах с демократическим государственным устройством»³⁸. А поскольку в отличие от естественных «политические права являются правами, свободно установленными обществом», Барнав утверждал, что «общество может определить по своему усмотрению условия их осуществления»³⁹. Выступая 11 августа 1791 г. в Учредительном собрании по вопросу политических прав, Барнав конкретизировал свою позицию: он признал «активное» граждане во личным правом и предложил распространить право быть избранным в депутаты на всех «активных граждан», упразднив требование «марки серебра». Вместе с тем он продолжал настаивать на твердо сохранении разделения между правом избирать и правом быть избранным. Выдвижение представителей нации как раз, по мысли Барнава, и должно было стать общественной обязанностью. Вот почему только выборщикам следовало отвечать определенным требованиям, выдвигаемым обществом. В качестве такого требования гарантии правильного выбора - Барнав выдвинул владение собственностью. Для Барнава собственность означала целую систему гарантий его приверженности общественному благу – социальных, моральных, политических. Такая расширительная трактовка собственности устанавливала три основных условия правильного выбора! национальных представителей: «Во-первых, просвещенность; не возможно отрицать, что... применительно к любому коллективу людей некоторое состояние, определенный налог являются в известной степени залогом более тщательного образования и просвещенности; вторая гарантия заключается в интересе к общественному делу со стороны тех, кого общество уполномочило сделать выбор от своего имени, а потому совершенно очевидно наличие большей заинтересованности у того, кому необходимо защищать и более значительный частный интерес; наконец, последняя гарантия состоит в незаписанности места состояния, которое, ставя его обладателя выше сиюминутной нужды делает его недосыгаемым для коррумпированной»⁴

ЭВОЛЮЦИИ Антуана БАРНАВА

А. В. Тырсенко

Этим требованиям, по мнению Барнава, не могли отвечать им “высший класс”, где слишком велики частный интерес и личные амбиции, ни “низший”, где отсутствует не только независимость, но и достаточное образование. Указанными требованиями гарант, владел, по Барнаву, “средний класс”, объединявший активны” граждан”, чей имущественный ценз был эквивалентен прямому налогу, равному местной заработной плате за 40 рабочих дней и выше (т.е. предусматривающий доход от 120-240 ливров в год). На “средний класс”, по мнению Барнава, и должны были опираться система политического представительства и весь новый порядок, поскольку только “средний класс” стремился к сохранению закрепленного в конституции порядка и противостоял дальнейшему развитию революции. “После того как установленная конституция определила и гарантировала права каждого, - отмечал Барнав, - существует только один интерес для людей, живущих на доходы от своей собственности, и для тех, кто живет честным трудом; существуют только два противоположных интереса в обществе: интерес тех, кто хочет сохранить существующее положение вещей, поскольку они видят повышение благосостояния в собственности, в труде, и интерес тех, кто хочет изменить существующее положение вещей, потому что у них нет иного выбора, кроме революционной альтернативы⁴¹.

Логика Барнава наглядно свидетельствует, что право избирать национальных представителей, трактуемое им как общественная обязанность, основывалось не на универсальных принципах естественного права, а на требовании завершить революцию и упрочить “представительное и монархическое правление при новом порядке. Он последовательно обосновал разделение между универсальностью права и представительным правлением. Новый порядок, согласно Барнаву, — это не абстрактный естественно-правовой порядок, а социальный порядок буржуазных собственников. Следует отметить, что предложения Барнава по конституционным вопросам вошли в окончательный текст Конституции 1791 г., принятой 3 сентября. Но, одержав победу в Учредительном собрании, Барнав потерпел поражение за его пределами.

Завершение Французской революции и упрочение конституционного порядка Барнав связывал с проведением соответствовавшей этим целям политики. Первоочередной задачей он считал восстановление единства нации путем ее объединения вокруг монарха — Людовика XVI в рамках режима, закрепленного в Конституции 1791 г. Для этого необходимо было нейтрализовать непримиримых сторонников старого порядка в Учредительном собрании, изолировать демократическое “левое” крыло собрания, консолидировать его либеральное большинство, присоединив к нему остатки парламентской группы “монархистов”. Вместе с тем следовало ограничить деятельность революционных клубов, которые, претендуя на выражение общественных умонастроений, угрожали независимости и легитимности конституированных властей — Учредительного собрания и монархии. Наконец, в укреплении исполнительной власти короля Барнав усматривал залог стабильности конституционного режима.

Весной — в начале лета 1791 г. политическая конъюнктура не была благоприятной для реализации замыслов Барнава и его партнеров по триумvirату — Дюпору и А. Ламету. В мае 1791 г. Барнав выступил против предоставления прав “активного гражданства” свободному цветному населению французских колоний. Одновременно он предлагал допустить переизбрание депутатов Учредительного собрания в Законодательное, которое должно было открыться осенью 1791 г. Эти выступления не встретили поддержки большинства и сильно подорвали его былую популярность. Они были восприняты не только как антидемократические, но и как крайне амбициозные, преследующие цель сохранить свое депутатское место. Только Клуб Массиака, где собирались представители колониальной элиты, выступавший за сохранение работоторговли, за автономию колоний, при которой все вопросы внутренней жизни решались бы на собрании белых колонистов, выразил Барнаву в протоколе своего заседания от 16 июня 1791 г. благодарность за “его горячую приверженность интересам колоний”⁴².

Значительно ослабили позиции триумvirата в Якобинском клубе, где верх стало одерживать демократическое “левое” крыло. Якобинский клуб поддержал предложения его лидеров: Робеспьера, Петiona, Бюзо, Грегуара — закрепить права “активного гражданства” за свободным цветным населением колоний и запретить переизбрание бывших депутатов Учредительного собрания в Законодательное, также занятие ими в течение четырех лет министерских должностей. Согласно точной оценке Ж.Мишона, “между триумvirатом и якобинцами разверзлась пропасть, они не говорили более на одном языке, у них не было больше общих идей”⁴³.

Решения Якобинского клуба были утверждены Учредительным собранием, где “левых” поддержали и крайне “правые”, убежденные противники революции, видевшие в Барнаве и других либералах наиболее опасных революционеров.

Не оправдались надежды Барнава и на активную поддержку конституции классом буржуазных собственников. В конце ноября 1791 г. в очередном послании двору он еще не утратил иллюзии на этот счет: "Мы уничтожим апатию у всех собственников, которых беспорядки обрекают на разорение"⁵⁴. Но уже несколько месяцев спустя он должен был констатировать беспочвенность своих ожиданий: "Собственнический и мирный класс в целом еще не настолько решителен, чтобы выступить в поддержку новых учреждений, чтоб можно было его заставить пренебречь какими-либо опасностями мобилизовать... на их защиту"⁵⁵.

Подведем итоги. 1791 г. знаменовал важную веху в эволюции мировоззрения Барнава. Он уже не обращался в своих выступлениях, как в 1789 г., к логике естественного права. В ходе бурных событий 1791 г. Барнав в поисках ответа на вопрос, как завершить слишком далеко зашедшую, по его мнению, революцию, попытался осмыслить фундаментальные противоречия между либеральной и демократической традициями. Первая предполагала либеральное применение "принципов 1789 г.", означавшее гарантии свободы личности и неприкосновенности собственности, закрепление верховенства собственников и режима конституционной монархии (что было осуществлено в Конституции 1791 г.). Вторая акцентировала естественно-правовое содержание "принципов 1789 г.", т.е. предусматривала последовательное утверждение равенства, ведущего к ограничению собственности, к равенству политических прав и к установлению демократической республики. Придерживаясь либеральной традиции, Барнав усматривал завершение революции в ограничении естественно-правового содержания "принципов 1789 г. сложившимися к 1791 г. либеральными политическими институтами, зафиксированными в Конституции 1791 г. Но разрешить политическими средствами противоречие между либеральным "применением принципов 1789 г." и их естественно-правовым содержанием задолго до объективного завершения революции оказалось невозможным.

Vive Liberta и Век

¹ Archives parlementaires. Ser.1 (1787-1799). 87 vol. P., 1867-1965. T.28. P.330 (далее - А.П.).

² А.П.Т. 29.Р. 329.

³ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1977. Т.1; Попов-Ленский И.А. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. М; Л.. 1924; Кондратьева Т.С. Концепция Французской революции конца XVIII в. Антуана Барнава // Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1972.

⁴ Furet F. Barnave // Dictionnaire critique de la Révolution française. P. 1992.

⁵ Chagny R. "Consommer la Revolution", L`evolution de la pensee politique de Barnave d`apres ses interventions a l`Assemblée constituante // Terminer la Revolution. Grenoble, 1990.

⁶ Gueniffey P. Terminer la Révolution: Barnave et la révision de la Constitution (Aout 1791) // Terminer la Révolution. Grenoble, 1990.

⁷ Barnave A. Coup d`oeil sur la lettre de M. de Calonne. Dauphine 1789, Archives Nationales, W13. N 39 (далее - А.Н.). P. 25, 29.

⁸ Ibid, P. 9.

⁹ Ibid. P. 24.

¹⁰ А.П. Т. 8. P.322.

¹¹ Barnave A. De la Révolution et de la Constitution. Grenoble, 1988. P.116.

¹² Groethuysen B. Philosophic de la Révolution française. P., 1956. P.171.

¹³ Цит. no: Rials S. La Déclaration des droits de l`homme et du citoyen. P., 1988. P.596.

¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С.161.

¹⁵ А.П.Т. 28. P.326.

¹⁶ А.Н. W13. N 8. P.22.

¹⁷ А.П.Т. 28. P.329.

¹⁸ А.Н. W13. P.217.

¹⁹ А.П.Т. 28. P.264.

²⁰ Ibid. P.328.

²¹ Ibid. P.329.

²² Barnave A. De la Révolution et de la Constitution. P.152.

²³ Barnave A. Coup d`oeil sur la lettre de M.de Calonne. P.18.

²⁴ А.П.Т. 30. P. 115.

²⁵ Ibid. Т. 28. P. 326.

²⁶ Ibid. Т. 30. P. 115.

²⁷ Ibid. P 114.

1791 год в ПОЛИТИЧЕСКОЙ

ЭВОЛЮЦИИ Антуана БАРНАВА

²⁸ Ibid. T. 28. P.327. А м V13, r. C.

²⁹ *Barnave A.* De la Révolution et de la Constitution. P. 72.

³⁰ A.P.T. 28. P.326.

³¹ Ibid. T.29. P.366.

³² Ibid. T.30. P.115.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

³⁵ A.N. 284 AP4, d.5. 1.6.

³⁶ A.P.T. 28. P.327.

³⁷ Ibid. T.21. P.92-95.

³⁸ Ibid. T.29. P.718.

³⁹ Ibid. P.366.

⁴⁰ Ibid. T.23. P.512.

⁴¹ Ibid. T.29. P.366.

⁴² Ibid. P.367.

⁴³ A.N. W14, N4.

⁴⁴ *Michon G.* Essai sur l'histoire du parti feuillant. Adrien Duport. P., 1924. P.218.

⁴⁵ *Aulard A.* La société des jacobins. Recueil des documents pour l'histoire du club des jacobins de Paris. P., 1889. T. 1. P.536.

⁴⁶ *Lauretelle Ch.* Dix années de preuves pendant la Révolution. P., 1848. P.55.

⁴⁷ *Barnave A.* De la Révolution et de la Constitution. P.146. 4HA.N. W13. P.109.

⁴⁹ *Maintenant G.* Les Jacobins à l'épreuve: La scission des Feuillants // CHIMT. 1979. 4 tr. P.97.

⁵⁰ *Barnave A.* De la Révolution et de la Constitution. P.149.

⁵¹ A.P.T. 29. P.323.

⁵² Marie-Antoinette et Barnave. P., 1934. P.101.

⁵³ Ibid. P.77.

⁵⁴ Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II. Ihr Briefwechsel. Leipzig, 1866. S.195.

⁵⁵ Ibid. S. 179.

⁵⁶ *Barnave A.* De la Révolution et de la Constitution. P.147.